

ДИНА РУБИНА

XI

2008-2009

ДИНА РУБИНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
I-XXI

2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление серии
Юлии Стоцкой

Рубина, Дина.
Р82 Собрание сочинений. I—XXI. Том XI. 2008—2009 / Дина
Рубина. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-165173-2

В одиннадцатый том полного собрания сочинений Дины Рубиной вошел хорошо известный многим роман «Белая голубка Кордовы» — в новой авторской редакции. И специально созданное для этого тома вступительное эссе автора.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165173-2

© Д. Рубина, 2022
© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Легкая работа...

Предисловие

Есть книги, которые в комментариях не нуждаются. Не нуждаются в предисловиях, в послесловиях, трудно поддаются литературоведческим схемам и толкованиям, выскальзывают из любых формул, и вообще, ведут себя настолько независимо, будто, вырвавшись из-под пера писателя, решили полностью порвать со своим автором и дальше существовать самостоятельно.

У меня тоже есть такие книги. Одна из них — «Белая голубка Кордовы». Забавно, что задумывалась она как некое отдохновение. Легкая работа! За год до того вышел мой роман «Почерк Леонардо», оказавшийся для меня мучительно трудным в исполнении, трудным по охвату деталей и фактов, и очень трудным психологически. Сама необычная и странная героиня, ее детство, цирковая юность и молодость, обстоятельства жизни, и главное, ее удивительный провидческий дар буквально вытягивали из меня последние силы, и умственные и душевные. Даже обычный объем писательской работы был словно утроен: помимо топографических задач (там присутствовали Киев ее детства, Москва, Монреаль, Бостон, маленькие прирейнские городки, бесконечные дороги, со всей этой безумной цирковой повозкой) мне пришлось проживать и прописывать множество воздушно-акробатических сюжетов, алкогольно-музыкальных мотивов биографии фаготиста Сени, возлюбленного

6 моей героини; оптику, фокусы с зеркалами... Словом, это была адская работенка, вернее, целый вагон непрошенных адских задач. Не говоря уже о психологической нагрузке: ведь героиня в финале просто... исчезала, и надо было как-то подготовить этот трюк для непростодушного читателя.

Когда роман вышел, я решила, что для следующей книги выберу какую-нибудь родственную тему, что-то прожитое-исхоженное, знакомое до кончиков пальцев, до самых распоследних мелочей. Словом, легкую работу.

Ну, так и не было нужды далеко искать: дочь художника, жена художника, я всю жизнь кручусь в мире холстов и красок, вечно спотыкаюсь о расставленный мольберт, вечно ругаюсь на засилье подрамников и бутылки с разбавителями... Это все мое с детства: я и модель, я и уборщица, я и слушатель, и зритель. Всерьез полагая, что в этой области мне известно абсолютно и досконально всё, я стала обдумывать сюжет...

Однажды мы с мужем оказались в компании аукционистов и экспертов. Шумное и забавное было застолье: десятки аукционных баек. Это было время такое, начало века, когда аукционные дома Европы и мира были завалены искусными подделками под русских художников: Шишкин, Серов, Левитан и Коровин, Куинджи... ну и Малевич, и Кандинский, конечно, словом — на любой вкус. И каждый из гостей, перебивая другого, спешил рассказать еще какую-нибудь потрясающую, анекдотичную, а то и криминальную историю. В те годы уже был широко известен скандальный процесс над художником Ван Меегереном, который десятилетиями успешно подделывал картины великих художников, оставляя в дураках экспертов-искусствоведов.

Домой мы ехали в полном молчании. Я переваривала услышанное, муж тоже о чем-то молчал.

«Неужели так просто обмануть экспертов?» — наконец, спросила я Бориса.

«Экспертов — запросто, — задумчиво отозвался он. — Мало кто из них по-настоящему понимает в глубинной, мастеровой сути искусства. Все эти ребятки, кого ты сегодня видела, — просто бывшие мальчики и девочки с факультета истории искусств. Ни один из них не знает, что происходит с красками, когда их смешиваешь на палитре, а потом, что происходит с ними на холсте, спустя лет этак сто».

«А ты бы мог подделать... скажем, Фалька?»

«Ну, если поставить такую цель... Но в этом деле много чего завязано: нужен старый аутентичный холст, родной подрамник... Да и обстоятельства жизни художника надо знать чуть ли не поминутно: все периоды его творчества, когда, скажем, он в своей палитре стал активно использовать кадмий оранжевый или «Поль Веронезе».

Помнится, еще ничего не решив, я подумала: это ж надо, у меня тут под боком эксперт настоящий, а я целый вечер слушала, раскрыв рот, анекдоты тусовщиков от искусства. И не сразу, конечно, а постепенно, вечером за ужином или вдруг, ворвавшись в мастерскую мужа во время работы, я стала озадачивать его вопросами, советоваться по каким-то сюжетным идеям. Мы стали перебирать великие полотна, которые мог бы... не скопировать, нет, а просто *написать с нуля* такой вот умный, образованный, рискованный, талантливый... да нет — гениальный фальсификатор, который...

Как рождается литературный герой? Как он приходит к писателю, как этот *голем* становится живым, порывистым и требовательным существом, более живым и близким, чем друзья, соседи, а порой и родственники? Как зарождается в мире обманок и фальшаков дар подлинного художника, отчаянного головореза в искус-

8 стве, одним из драгоценных талантов которого является умение перевоплотиться в любого гения, стиль которого он виртуозно подделывает в картине? Как возникает человек, которого даже не деньги интересуют, а вот эта самая суть перевоплощения, запоздалая ухмылка Мастера за каменной стеной твердолобой глупости?

Захар Кордовин, один из самых близких мне, со-творенных лично мною людей, не сочинялся: он просто явился таким, каким и должен был жить в книге. Это один из редких случаев, когда главный герой романа ни с кем не делил своего пьедестала, не привел за собой возлюбленную, жизни и характеру которой пришлось бы посвятить немало страниц. Нет, несмотря на обилие лиц и персонажей вокруг, он — единственный премьер романа, властно и целиком занимающий все страницы своим удивительным даром, своей страстью, своей незаурядной натурой пирата и Художника. И потому, все пейзажи и детали большого романа, включая Винницу его детства, Ленинград его юности, его Иерусалим, его Рим, Толедо и Кордову, альпийскую деревушку и Стокгольм, и прочие блестящие столицы мировых аукционных событий — всё будто бы сходит с его картин, тщательно прописанных рукой непревзойденного Мастера.

И весь год, пока по 10, 12 часов в день писала эту книгу, проклиная свою самонадеянность и мечту о «легкой работе», дотошно изучая технику живописи, технику реставрации, топонимику городов, историю искусства, план зданий Ватикана... и прочее, прочее, прочее, — весь этот год Захар Кордовин мчался впереди меня, всегда опережал, всегда страстно подгонял, учил, растолковывал, ухмылялся и подбадривал; приходил в отчаяние и расставался с жизнью. И... воскресал!

... словом вел себя как настоящий Художник.

Дина Рубина

БЕЛАЯ ГОЛУБКА
КОРДОВЫ

Посвящается Боре

Нет на земле ни одного человека, способного сказать, кто он. Никто не знает, зачем он явился в этот мир, что означают его поступки, его чувства и мысли, и каково его истинное имя, его непреходящее Имя в списке Света...

*Леон Блуа
«Душа Наполеона»*

Часть I

Глава первая

1

Перед отъездом он все же решил позвонить тетке. Он вообще всегда первым шел на примирение. Главным тут было не заискивать, не сюсюкать, а держаться, словно бы и ссоры нет — так, чепуха, легкая размолвка.

— Ну, что, — спросил он, — что тебе привезти — *кастануэлас*?¹

— Иди к черту! — отчеканила она. Но в голосе слышалось некоторое удовлетворение, что — позвонил, позвонил все-таки, не умчался там крылышками трещать.

— Тогда веер, а, Жука? — сказал он, улыбаясь в трубку и представляя ее патрицианское горбоносое лицо в ореоле подсиненной дымки. — Прилепим тебе мушку на щечку, и выйдешь ты на балкон своей богадельни обмахиваться, как маха какая-нибудь, ядрён-корень.

— Мне ничего от тебя не надо! — сказала она строптиво.

— Вона как. — Сам он был кроток, как голубь. — Ну ла-адно... Тогда привезу тебе испанскую метлу.

¹ *Кастануэлас* (исп.) — кастаньеты.

14 — Что еще за испанскую? — буркнула она. И попалась.

— А на какой еще ваша сестра там летает? — воскликнул он, ликуя, как в детстве, когда одурачишь простофилю и скачешь вокруг с воплем: «Об-ма-ну-ли ду-ра-ка на че-ты-ре ку-ла-ка!»

Она швырнула трубку, но это было уже не ссорой, а так, грозой в начале мая, и уезжать можно было с легким сердцем, тем более что за день до размолвки он съездил на рынок и забил теткин холодильник до отказа.

* * *

Оставалось только *закруглить* еще одно дело, *сюжет* которого он выстраивал и разрабатывал (виньетки деталей, арабески подробностей) вот уже три года.

И завтра наконец на утренней зорьке, на фоне бирюзовых декораций, из пены морской (*лечебно-курортной*, отметим, пены), родится *новая Венера* за личной его подписью: последний взмах дирижера, патетический аккорд в финале симфонии.

Не торопясь, он уложил любимый мягкий чемодан из оливковой кожи, небольшой, но приемистый, как солдатская котомка: его утрамбуешь до отказа, *по самое*, как говорил дядя Сёма, *не могу*, — глядь, а вторая туфля все же влезла.

Готовясь к поездке, он всегда тщательно продумывал свой прикид. Помедлил над рубашками, заметил кремовую на синюю, вытащил к ней из связки галстуков в шкафу темно-голубой, шелковый... Да: и запонки, а как же. Те, что подарила Ирина. И те, другие, что подарила Марго, — обязательно: она приметливая.

Ну, вот. Теперь *эксперт* одет достойно на все пять дней *испанского проекта*.

Почему-то слово «эксперт», про себя произнесенное, рассмешило его настолько, что он захохотал, даже повалился ничком на тахту, рядом с открытым чемоданом, и минуты две смеялся громко, с удовольствием, — он всегда заразительней всего хохотал наедине с собой.

Продолжая смеяться, перекатился к краю тахты, свесился, вытянул нижний ящик платяного шкафа и, порывшись среди мятых трусов и носков, вытащил пистолет.

Это был удобный, простой конструкции «глок» системы Кольта, с автоматической блокировкой ударника, с несильным плавным откатом. К тому же при помощи шпильки или гвоздя его можно было разобрать в одну минуту.

Будем надеяться, дружище, что завтра ты проспишь в чемодане всю важную встречу.

Поздним вечером он выехал из Иерусалима в сторону Мертвого моря.

Не любил съезжать по этим петлям в темноте, но недавно дорогу расширили, частью осветили, и верблюжки горбы холмов, что прежде сдавливали тебя с обеих сторон, проталкивая в воронку пустыни, словно бы нехотя расступились...

Но за перекрестком, где после заправочной станции дорога поворачивает и идет вдоль моря, освещение кончилось, и набухшая солью гибельная тьма — та, что лишь у моря бывает, у *этого* моря, — навалилась вновь, шибая в лицо внезапными фарами встречных машин. Справа угрюмо громоздились черные скалы Кумрана, слева угадывалась черная, с внезапным асфальтовым проблеском соляная гладь, за

16 которой далекими огоньками слезился иорданский берег...

Минут через сорок из тьмы внизу взмыло и рассыпалось праздничное созвездие огней: Эйн Бокек, со своими отелями, клиниками, ресторанами и магазинчиками — приют богатого туриста, в том числе и убогого чухонца. А дальше по берегу, на некотором расстоянии от курортного поселка, одиноко и величаво раскинул в ночи свои белые, ярко освещенные палубы гигантский отель «Нирвана» — в пятьсот тринадцатом номере которого Ирина, скорее всего, уже спала.

Из всех его женщин она была единственной, кто, как и он, дай ей волю, укладывалась бы с петухами и с ними же вставала. Что оказалось неудобным: он не любил делить с кем бы то ни было свои рассветные часы, берег запас пружинистой утренней силы, когда впереди огромный день, и глаза остры и свежи, и кончики пальцев чутки, как у пианиста, и башка отлично варит, и все удается в курящемся дымке над первой чашкой кофе.

Ради этих драгоценных рассветных часов он частенько уезжал от Ирины поздней ночью.

Въехав на стоянку отеля, припарковался, достал из багажника чемодан и, не торопясь, продлевая последние минуты одиночества, направился к огромным карусельным лопастям главного входа.

— Спишь?! — шутливо гаркнул охраннику-эфиопу. — А я бомбу принес.

Тот встрепенулся, зыркнул белками глаз и недоверчиво растянул в темноте белую гармонику улыбки:

— Да ла-а-дно...

Они знали друг друга в лицо. В этом отеле, многолюдном и бестолковом, как город, стоящем в сторо-

не от курортного поселка, он любил назначать деловые встречи, последние, итоговые: тот самый завершающий аккорд симфонии, к которому *интересанту* надо еще пилить по неслабой дороге, меж нависших над морем скалистых зубов, затянутых скрепами и сеткой исполинского дантиста.

И правильно: как говорил дядя Сёма — *не потопяешь — не полопаешь*. (Впрочем, сам дядя *топнуть* своим ортопедическим ботинком ни за что бы не смог.)

Вот он, пятьсот тринадцатый номер. Бесшумное краткое соитие замочной прорези с электронным ключом, добытым у осовелой дежурной: *понимаете, не хочу будить жену, бедная страдает мигренями и рано укладывается...*

Никакой жены у него сроду не было.

Никакими мигренями она не страдала.

И разбудить ее он собирался немедленно.

Ирина спала, как обычно, завернутая в кокон одеяла, как белый сыр в друзскую питу. Вечно упакуется, зароется, да еще под бока подоткнет — хоть археологов нанимай.

Бросив на пол чемодан и куртку, он на ходу стянул свитер, скovyрнул — нога об ногу — кроссовки и рухнул рядом с ней на кровать, еще в джинсах — замок застрял на бугристом изломе молнии — и в майке.

Ирина проснулась, и они завозились одновременно, пытаясь высвободиться из одеяла, из одежды, мыча друг другу в лицо:

— ...ты обещал, бессовестный, обещал...

— ...и сдержу обещание, человек ты в футляре!

— ...ну, что ты, как дикий, набросился! погоди...
постой минутку...

— ...уже стою, ты не чувствуешь?
— ...фу, наглец... ну дай же мне хотя бы...
— ...кто ж тебе не дает... вот, пожалуйста, и вот...
и вот... и... во-о-о-о-о...

...В открытой двери балкона солидарная с ним в ритме лимонная луна то взмывала над перилами со своим лупоглазым бесстыдным «Браво!», то опускалась вниз, сначала медленно и плавно, затем все быстрее, быстрее — словно увлекшись этими, новыми для нее, качелями, — то увеличивая, то сокращая размах взлета и падения. Но вот замерла на головокружительной высоте, балансируя, будто в последний раз озирая небесную округу... и вдруг сорвалась и помчалась, ускоряя и ускоряя темп, едва ли не задыхаясь в этой гонке, пока не застонала, не забилась, не вздрогнула освобождено и — не затихла, в изнеможении повиснув где-то на задворках небес...

...Затем Ирина плескалась в душе, то и дело переключая горячую струю на холодную (сейчас зайвится в постель — мокрая, как утопленник, и давай, грей ее до собственного посинения), а он пытался взглядом проследить в окне микроскопические передвижения бледно-одутловатого светила, своего недавнего партнера по свальному греху.

Наконец поднялся и вышел на балкон.

Гигантский отель погружен был в оцепенелый сон на краю мерцающего соляного озера. Внизу, в окружении пальм, полированной крышкой рояля лежал бассейн, в котором скакала желтая ломкая луна. В трех десятках метров от бассейна тянулся пляж с членистоногими пирамидками собранных на ночь пластиковых лежаков и кресел.

Стылое мерцание соли вдали сообщало неподвижной ночи ледяное безмолвие, нечто новогоднее — вроде ожидания чудес и подарков.

Что ж, за подарками дело не станет.

— Ты с ума сошел: голым — на балкон? — послышался за спиною бодрый голос. — Стыд у тебя есть элементарный? Люди же кругом...

Иногда ее хотелось не то чтобы выключить, но слегка убавить звук.

Он закрыл балконную дверь, задернул штору и зажег настольную лампу.

— Ты поправились... — задумчиво проговорил он, валясь на кровать и разглядывая Ирину в распахнутом махровом халате. — Мне это нравится. Ты сейчас похожа на Дину Верни.

— Что-о-о?! Что это за баба?

— Натурщица Майоля. Скинь-ка этот идиотский халат, ага... и повернись спиной. Да, те же пропорции. При тонкой спине сильная выразительная линия бедер. И плечо сейчас так плавно восходит к шее... Ай-яй, какая натура! Жаль, что я сто лет карандаш в руки не брал.

Она хмыкнула, плюхнулась в глубокое кресло рядом с кроватью и потянулась к пачке сигарет.

— Ну, давай валяй... Расскажи мне еще что-нибудь про меня.

— Эт пожалуйста! Понимаешь, когда женщина чуток набирает весу, ее грудь становится благодстней, щедрее... улыбчивей. И цвет кожи меняется. Нежный слой подкожного жира дает телу более благородный, перламутровый оттенок. Возникает такая... ммм... прозрачность лессировок, понимаешь?

Он уже не прочь был вздремнуть перед рассветом хотя бы часик-полтора. Но Ирина закурила и была бодрa и напористa. Того гляди, вновь потребует

20 к священной жертве. Главное, чтоб не принялась от-
ношения выяснять.

— И потом, знаешь... — зевнув и поворачиваясь на бок, продолжал он, — вот это мерное колыхание бедер, вид сзади и сверху, оно сводит с ума, если еще ладонями...

— Кордовин, гад! — перегнувшись, она швырнула в него пустой сигаретной пачкой. — Ты прямо сирена злокозненная, Кордовин! Казанова какой-то, пошлый соблазнитель!

— Не-а, — бормотнул он, неудержимо засыпая. — Я просто... влюбленный...

Все это было сущей правдой. Он любил женщин. Он действительно любил женщин — их быстрый ум, земную толковость, цепкий глаз на детали; не уставал повторять, что если женщина умна, то она опаснее умного мужчины: ведь обычная проницательность обретает тогда еще и эмоциональную, поистине звериную чуткость, улавливает — поверху, *по тяге* — то, что никакой логикой не одолеешь.

Он дружил с ними, предпочитал с ними вести дела, считал более надежными товарищами и вообще — лучшими людьми. Часто аттестовал себя: «Я очень женский человек». Всегда умел согреть и всегда находил — чем полюбоваться в каждой.

* * *

Проснулся он, как обычно, в пять тридцать. Уже много лет какой-то усердный и неумолимый ангел заводил где-то в вышних казармах побудку, и минута в минуту — какой бы сон ни снился, какая бы усталость ни свалила его два часа назад, — в пять тридцать он обреченно открывал глаза... и, чертыхаясь, плелся в душ.